

Сергей Рулёв

Леший

Сергей Рулёв

Леший

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рулёв С.

Леший / С. Рулёв — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Что чувствует персонаж, когда его водит леший? Или попадая в загадочный подвал? Возвращаясь к жизни после войны? Каждый может представить себя на месте героя рассказа. Любой простой человек.

Рождество

С неба сыпался мелкий снежок, перед лобовым стеклом машины разлетаясь в разные стороны, что вместе с дальним светом фар создавало иллюзию летящего навстречу водителю туннеля. За окнами мелькали облепленные снегом деревья. Игорь старался сильно не гнать – слишком плохая дорога. За новогодние праздники её никто не чистил. Так как машин здесь всегда не много, все стараются держаться середины, отчего по центру снег выкатывается до асфальта, а вот по сторонам возле обочин скапливается толстым рыхлым предательским слоем.

Потому-то Игорь и не торопился, чтобы в случае чего можно было вовремя притормозить и безопасно уйти в сторону от середины дороги. На скорости же снег возле обочины мог сыграть злую шутку – закусить колёса и не отпускать. Выворачивать из такого положения – бесполезно.

И, тем не менее, ехать совсем медленно он тоже не собирался. Конечно, Рождество это не такой праздник, как Новый Год, но всё же ему хотелось успеть домой к ужину. Да и жене обещал. Портить с ней и так в последнее время напряжённые отношения ему не хотелось. Почти десять лет вместе – наверное, настал момент, когда долго таимые упреки и претензии обоюдосторонне должны начать выползать наружу.

Сзади быстро приближались огни фар.

– Спешит куда-то, чёрт, – вслух пробормотал Игорь и в очередной раз посмотрел на спидометр.

Вскоре догоняющая машина буквально села ему на хвост. И хотя в зеркалах отражался только свет фар, было понятно, что сзади к нему пристроилась не банальная легковушка.

Водитель невидимого авто очень скоро утомился плестись сзади. Его нетерпение выразилось сначала в том, что он перестроился на полкорпуса влево, а когда ему показалось, что едущий впереди водитель туго соображает, стал моргать дальним светом фар. Игорь опять чертыхнулся и, чуть притормозив, стал потихоньку сдавать к обочине. Сзади тут же раздался недовольный гудок. Гонщик, ехавший за ним, видимо хотел, чтобы ему уступили дорогу, не сбавляя при этом скорости.

От такой наглости Игорь опешил, чуть добавил руля вправо, и этого хватило, чтобы рыхлый снег закусил колёса. Слева, обгоняя его в образовавшемся просвете, пролетел чёрный внедорожник, а машину Игоря понесло к бровке. Сначала она чиркнула правой стороной снежный отвал. Отчаянно давя тормоз, Игорь еще успел увидеть, как обогнавший его внедорожник метрах в пятидесяти впереди сделал резкий поворот, а уже в следующую секунду его собственная машина врубилась в сугроб. Снежная волна перелетела через лобовое стекло, и в салоне моментально настал мрак.

В голове молнией сверкнула паническая мысль: «Я умер?» И сразу за ней: «Вряд ли». На самом деле всё наверняка гораздо проще – фары светят где-то в глубине сугроба, лобовое стекло тоже засыпало снегом, а приборную панель он не видит из-за руля, потому, что удар хоть и был не сильным, но ремень безопасности все-таки откинул его назад, заставив чуть сползти в кресле.

Открыв дверь, он выкарабкался из слегка наклонённой на правый бок машины и обозрел печальную картину. Яркая полная луна освещала машину, по половину капота зарывшуюся в сугроб, пустынный участок дороги, и край хмурого зимнего леса за обочинами.

– Чёрт! – выругался Игорь. – Подставил и уехал! Гад!

Злость быстро сменилась растерянностью. И что теперь делать? Машину в одиночку ему не вытащить. Тут вообще трактор или солидный грузовик не помешал бы. Однако шансов увидеть их на дороге в предпраздничный вечер было мало. По крайней мере, ждать точно придётся очень долго. Игорь в этом не сомневался.

Сев в машину, он достал из ниши на передней панели мобильный телефон, вроде и зная заранее, что связи здесь нет, но как бы делая хоть какую-то попытку. Сети не было. Посмотрев на таймер, он грустно подумал, что теперь на ужин точно не успеет. Бросив мобильник обратно, Игорь откинулся на спинку и закрыл глаза. Мысли, мысли. Какие могут быть мысли? Всё плохо. Было плохо, а теперь вот вообще хреново. Он еще раз про себя обругал треклятый внедорожник, как тут его осенило. Если ему не померещилось – тот недалеко свернул. Вопрос – куда?

Игорь вылез из машины. На улице было не морозно, хотя небо чернело звёздной глубиной с ярким пятном полной луны, и безветренно, хотя только что сыпал снег. Странная перемена, но у него не было времени удивляться этой странности. Поставив машину на сигнализацию, он пошёл вперёд по дороге.

Как и предполагалось, пройдя метров пятьдесят, он увидел отворотку от основной трассы. Именно туда и вели следы, оставленные внедорожником. Игорь остановился в нерешительности. Стоит ли идти дальше? Вообще, любой расчищенный проезд обязательно должен вести либо в посёлок, либо в деревню. Смущало только отсутствие указателя с названием населенного пункта у развилки. Игорь посмотрел на темнеющую пятном на обочине машину, размышляя – так стоит ли идти? Одно дело, если до деревни не больше километра, а другое, если километров десять. Мог случиться и тот, и другой вариант. Но если деревня близко, то будет у кого попросить помощи и не придётся ожидать на трассе неизвестно чего и сколько.

Он решил рискнуть.

Чистейший снег, не знавший ни грязи с машин, ни песка, которым посыпают трассу, хорошо отражал свет полной луны, висящей в центре небосвода, и поэтому было довольно светло. Игорь шёл по дороге, оглядываясь по сторонам – всё-таки одному ночью в лесу было жутковато. В мозгу назойливой мухой крутилась фраза: «Мне нужна помощь. Мне нужна помощь». Он не отгонял эту мысль, тайно надеясь – вдруг его услышат?

Пройдя метров сто, он увидел, что следы внедорожника подходят к обочине, а снежная бровка разворочена и изрыта. «Такой же залёт, как и у меня», – подумал Игорь злорадно, но тут же обратил внимание на одну деталь, заставившую его насторожиться. Машины-то не было. Но и следов, идущих дальше, тоже не было. И обратно внедорожник не выезжал. Создавалось впечатление, что залетевший в сугроб автомобиль либо вытаскивали вертолётом, либо он испарился.

Он снова огляделся и, вдруг, увидел огонёк. Похоже, что где-то там впереди, куда вела дорога, светил фонарь. Всё-таки деревня была рядом.

Как-то сразу забыв о загадочном следе, Игорь решительно направился на свет, совершенно не обратив внимания на довольно большой прогал в лесу, прямо напротив того места за обочиной, где заканчивался след, по которому он до сих пор шёл.

Деревня началась неожиданно. Лес резко расступился, и по краям дороги за невысокими заборчиками возникли избы. Обыкновенные, потемневшие и приземистые от времени. Только нигде не светило ни одно окошко. И было странно тихо – хоть бы какая собака тявкнула. Но теперь было отчетливо видно, что свет шёл не только от фонаря, но и от окон высокого по деревенским меркам здания. Значит, деревня всё-таки не была брошенной, и это внушало надежду. Хотя чем ближе он подходил, тем надежда становилась слабее – окна в домах по-прежнему были непроницаемо темны, да и никакой техники во дворах пока не наблюдалось.

Но вот и фонарь на столбе, прямо посреди небольшой площадки перед фасадом клуба. О том, что это деревенский клуб, говорила старая выцветшая надпись над широким крыльцом. Само здание тоже выглядело невзрачно – облупленная краска когда-то жёлтого колеру ошметками свисала с обшитых досками стен. Но зато в больших окнах горел свет, и изнутри здания доносились бухающие звуки ударников – признак танцевальной музыки.

Игорь огляделся. Во всей деревне свет был только здесь. «Наверное, праздник отмечают всем колхозом», – мелькнула догадка. Поднявшись на крыльцо, он в нерешительности потоптался возле двери, зная, что нрав деревенских во время празднеств непредсказуем. Особенно по отношению к чужакам.

«Мне нужна помощь», – подумал он, теперь уже подбадривая себя, после чего решительно открыл дверь.

Он оказался в помещении, служившим чем-то вроде фойе, наполненным веселящимися людьми. Пахло спиртным, потом и чем-то еще, похожим на запах от сгоревших бенгальских свечей. Появление Игоря не вызвало совершенно никакой реакции у присутствующих, и это немного его успокоило. Но, с другой стороны, он топал сюда не затем, чтобы веселиться или глазеть на веселящихся. В любом случае, ему придётся к кому-нибудь обратиться. Вот только к кому? Он решил оглядеться и уж потом выбрать подходящую кандидатуру. Еще с порога он увидел большие, распахнутые настежь двери в основной зал. Подойдя к ним, заглянул внутрь. В отличие от фойе, в зале был полумрак. Что ж, обычное дело для любой дискотеки. Грохотала музыка, дёргались в танце фигуры. Посреди зала стояла тёмная, без единой гирлянды и стеклянного шара, ёлка. Но танцующий люд это, похоже, нисколько не смущало.

Глядя на извивающихся в танце дам и меланхолично перетаптывающихся на месте парней, Игорь понял, что его шансы на обретение помощи стремительно уменьшаются. Он разочарованно вернул свой взор в фойе, и тут заметил, что противоположная от входа часть его более чем наполовину закрыта перегородкой типа ширмы, а с этого места ему был виден уголок скрываемого от посторонних глаз пространства. А скрывались там восседающие за столом мужики в фуфайках. Чужая, что может это именно то, зачем он сюда пришёл, Игорь направился туда.

Встав в проёме, он увидел небольшой стол, на котором лежала раскинутая на кон колода карт, стояла ополовиненная бутылка водки и тарелка с порезанным на дольки лимоном. Четверо сидящих на табуретах мужиков держали в руках стаканы.

– Простите, – обратился он к ним, – с опозданием сообразив, что сделал это не вовремя. Люди явно собирались выпить, а тут кто-то лезет со своими глупостями.

– Он простит. Мы тут не за этим, – ожидаемо угрюмо сказал один из мужиков с самым красным и рытвинно-угревым лицом из всех присутствующих.

– Чего вообще ты сюда припёрся? Тебя кто звал? Пинками тебя сюда гнали? – продолжил он.

– И не говори. То никого сюда силой не затолкаешь, то нарисуются – хрен сотрёшь, – поддакнул сидящий напротив красномордого мужичонка с косящим левым глазом.

Игорь опешил от такого напора и не нашёлся, что сказать в ответ. Тем временем красномордый неожиданно предложил:

– Налить?

– Нет, спасибо, я...

– Он еще и пить отказывается, – громыхнул красномордый. – Тогда пошёл вон отсюда!

Игорь хотел ответить, но ноги сами вынесли его на крыльцо клуба. Сзади хлопнула закрывшаяся дверь, отчего он вздрогнул.

– Сходил, блин, за хлебушком, – пробормотал Игорь, нащупав в кармане пачку сигарет. Достав одну, он чиркнул зажигалкой. Закурив сигарету, он быстро выдохнул дым в чёрное морозное небо.

– Куришь, – донеслось сбоку.

Игорь напрягся и повернулся на голос. Рядом стоял, одетый в фуфайку, валенки и черную вязаную шапочку, небольшого роста субъект с худощавым обветренным лицом лет около сорока пяти.

– Курю, – просто ответил он.

– А я не курю, – донеслось в ответ.

Игорь настороженно посмотрел на мужичка и мирно сказал:

– Ну так это же хорошо.

– Что? – как то слишком невыразительно спросил тот.

– То, что не курите.

– Нет. Плохо.

– Почему? – искренне удивился Игорь.

– Потому что, если бы я курил, то я бы спросил у тебя сигарету. Ты бы мне не дал. И я бы до тебя докопался.

Игорь даже забыл поперхнуться затяжкой.

– Зачем?

– Как это – зачем? Ты вот вообще – кто такой?

В вопросе был явный вызов, но Игорь понимал, что принимать его не стоит. Учитывая реакцию на него тех типов за дверями. Не тот случай. Поэтому ответил спокойно:

– У меня машина на трассе в снегу застряла. Недалеко. Вот я и подумал – может здесь кто поможет.

Мужчина согласно кивнул.

– Да. Видели тебя.

Неожиданно для Игоря, он протянул ему правую руку:

– Григорий.

– Игорь.

– Ну что, покурил?

– Да вроде, – Игорь как раз искал взглядом урну или что-нибудь её заменяющее. Так ничего и не найдя, щелчком выкинул окурочек подальше от крыльца.

– Ну, тогда пойдём, может чего и сообразим, – сказал Григорий, открывая дверь.

Спокойная уверенная речь нового знакомого вызывала доверие, поэтому Игорь, не раздумывая, последовал за ним.

В фойе Григорий подвел его к перегородке, от которой тот только что был вынужден ретироваться, показал на стену и сказал:

– Стой здесь. Никуда не уходи.

Мужики сидели и азартно резались в карты. Один из них заметил Григория, и с пьяной улыбкой крикнул:

– Гриш! А ты зачем бороду-то сбрил?

Григорий посмотрел на него коротко, но, как показалось Игорю, колюче, и пробурчал:

– Не твоего ума дело.

Улыбка слетела с физиономии мужичка и он, подняв обе ладони на уровне груди, с испугом произнёс:

– Всё. Молчу!

Григорий снова метнул в его сторону короткий взгляд. Но больше ничего ему не сказал. Раздался звон упавшего стакана, а Григорий обратился к Игорю:

– Да. Если кто вздумает к тебе приставать, так и скажи – жду Гришу. Понял?

– Понял, – быстро ответил тот, с удивлением косясь на погрустневшего мужичка, печально взирающего на опрокинутый стакан и разлитую по столу водку. Может он сам его задел, опуская руки?

Григорий тем временем обратился к красномордому:

– Забыл порядок? С картами – на мельницу.

Тот без протеста тут же широким движением смахнул карты со стола. Но потом вздохнул и посмотрел на бутылку.

Григорий перехватил его взгляд.

– И сильно не расслабляйтесь. Мало ли что.

– Да всё путём, – отвечивал тот. – Если понадобится – мы без проблем.

Григорий удовлетворённо кивнул.

– Это хорошо.

Потом снова посмотрел на Игоря и опять спросил:

– Всё понял?

Тот кивнул.

– Это тоже хорошо, – сказал Григорий и направился к выходу.

Мужики за столом продолжили выпивать, больше не обращая внимания на Игоря. После того приёма, что они ему учинили, его это вполне устраивало.

Прошло минут десять. Мужики выпивали – из-под стола за это время была вызволена на свет уже третья бутылка водки, тихо переговариваясь короткими фразами. О чём они говорили, Игорь не слышал, да не больно ему и хотелось.

И тут, когда он уже заскучал, к столу не подошла, а подлетела деваха в кофточке с довольно откровенным вырезом на груди и ярко-рыжей крашеной шевелюрой.

– Парни, налейте даме, – задорно потребовала она. Те с удовольствием выполнили её просьбу. Не присаживаясь, только оперевшись левой рукой в стол, правой она подняла стакан и картинно, в несколько глотков, выпила содержимое. Выдохнув, потрянула рыжими волосами и со стуком вернула стакан на место.

– Хо-ро-шо! – чётко по слогам весело сказала она, затем её круглая симпатичная мордашка повернулась в сторону Игоря. Взгляд её зеленых глаз встретился с его взглядом. Разворачиваясь к нему всем телом, не теряя при этом установившейся связи, как ракета теплового наведения с целью, она спросила у мужиков:

– А это кто?

Игорю стало обидно, что она не обратилась напрямую к нему, но обида длилась недолго, долю секунды. Взгляд-то её был обращен на него, и он призывно обещал. Мужчины беспомощны перед таким взглядом.

– Пришлый. Не приставай к нему, – отмахнулись мужики. – Он Гришу ждёт. Лучше с нами посиди.

Один из мужичков пьяно потянулся рукой к её талии, но она, не глядя, шлёпнула его по жаждущей ладони.

– Так я ненадолго. Верну его Грише в целостности и сохранности.

Не успел Игорь вникнуть в смысл сказанного, как она неуловимым движением, словно проскользив разделяющие их метры, оказалась возле него, взяла за руки, и, пахнув ему в лицо слабым запахом водки с оттенком мяты, громко прошептала:

– Пойдём, потанцуем, милый...

Всё так же неотрывно продолжая смотреть ему в глаза, пятясь, при этом грациозно, по кошачьи, обходя все препятствия, она увлекла Игоря в зал с ёлкой. А там, как по заказу, звучало что-то медленное. Несколько обжимающихся пар топтались вокруг ёлки. К ним присоединились и девица с Игорем.

Ловко, словно змеи, её руки проникли под его пуховик, дотянулись до плеч, после чего одежда была снята и откинута на скамейку возле стены. Ладони прижались к его плечам, а грудь, так и норовившая выпрыгнуть из выреза кофточки, прижалась к его груди. Даже сквозь свитер он почувствовал покалывающее тепло, которое переливалось от неё к нему, стекая к низу живота.

Пытаясь хоть как-то вернуть себе остатки самообладания, с хрипотцой, что-то засушило в горле, Игорь сказал:

– Весело отмечаете.

– Ну так день такой. Все отмечают, – томно прошептала она, как-то странно выделив слово «все», но ему некогда было это осмыслить, потому что она внезапно приподнялась на цыпочках и дотронулась губами до его губ. Без поцелуя. Просто дотронулась и вернулась обратно. И только тут он заметил, что она ниже его, и смотрит-то, оказывается, снизу вверх.

Игорь вдруг отчётливо понял, что ему хочется крепко прижать её к себе и никогда не отпускать и смотреть, смотреть в её бездонные, наполненные желанием глаза вечно. А она, словно почуяв это и желая закрепить успех, медленно опустила левую ладонь с его плеча, проведя ею по всей его руке до встречи с запястьем, и так же медленно переложила его ладонь со своей талии себе на бедро.

«Чёрт! – подумал он. – Что со мной?» – понимая, что сейчас его может затянуть в омут, из которого ему потом не выбраться.

В ответ на его мысли глаза её потемнели, и вторая её ладонь соскользнула с его плеча.

Мысли Игоря путались, он уже ничего не видел вокруг. И тут его словно пронзило током. Это её пальцы впились в его запястья. Острая боль от вонзившихся в кожу сквозь рукава свитера коготков рассеяла морок в глазах. Он увидел, как лицо девицы перекосилось, а зрачки расширились так, что поглотили всю зелень. Теперь она смотрела не на него, а куда-то за его плечо.

Он медленно обернулся и увидел огромного, ростом наверное с пони, чёрного, как египетская ночь, пса непонятной породы. Тот стоял в дверях, оглядывая зал. Белки его больших глаз, как две площадки на широкой чёрной морде, светились в полумраке зала.

Игорь растеряно огляделся. Все танцующие пары куда-то пропали. Пропала и девица. Он даже не понял, как это произошло, видимо потому, что запястья еще саднили.

– Это Берк, – вдруг раздался сбоку знакомый голос. – Цербер, если полностью.

Игорь вздрогнул. Рядом стоял невесть откуда взявшийся Григорий. Кроме них двоих и пса в зале никого не было.

– Страсть как кошек не любит, – спокойно продолжал Григорий. – Если только увидит – башку сразу откусывает. Ничего с ним поделывать не можем. Ладно, пойдём.

Видя нерешительность Игоря, он заверил:

– Тебя не тронет. Берк – пропусти!

Пёс внимательно-равнодушно посмотрел на Игоря и медленно прошествовал на середину зала, улёгшись под ёлкой.

– Всё, – усмехнулся Григорий. – Танцы закончились. Пока хозяин не заберёт. А Люсик сейчас занят – конвоирует парочку буйных.

Игорь ничего не понял, но посчитал, что это и не важно. Схватив со скамейки пуховик, он последовал за Григорием.

Они вышли на улицу. Уже возле столба с фонарём Григорий вдруг резко остановился.

– Так. Подожди. У этих чертей опять проблемы с теми двумя. Будь здесь. Сейчас вернусь.

Он сделал несколько шагов в сторону от освещённого фонарём круга и пропал. Игорь недоумённо глядел в ту сторону. Ни Григория, ни даже его тени не было видно. Не слышно было и шагов. «Какие проблемы? У кого?» – запоздало подумал Игорь.

Ожидать, стоя на холоде, было некомфортно. Не то, что в клубе. Но возвращаться туда после только что пережитого потрясения он не торопился. В ногах до сих пор отдавало нервной дрожью.

Решив, что просто стоять на одном месте не интересно, он стал выписывать небольшие круги вокруг столба, нисколько не заботясь о том, как это выглядит со стороны. На четвёртом круге он уткнулся в массивную фигуру Берка. Игорь не знал, с какой стороны лучше обойти эту псину, поэтому обречённо застыл на месте.

Через некоторое время, окончательно осознав, что пёс не испытывает по отношению к нему агрессивных намерений, он выдохнул и посмотрел на небо. Перебивая свет фонаря, прямо над ним висела луна, и, казалось, усмехалась над ним всеми своими пятнами.

Григорий не возвращался. А холод начал забираться под пуховик. Подумав – а не вернуться ли ему в клуб, Игорь вдруг обратил внимание на избу неподалёку. В одном из её окошек горел свет.

Решив, что в любом случае найдёт Григория, он направился к избе. Пёс, словно тень, отстав всего на шаг, последовал за ним.

Подойдя к калитке и, чуть толкнув её до характерного скрипа, Игорь с опаской оглядел двор. Хотя, он покосился вбок, где молчаливым чёрным пятном на фоне белого снега высился Берк, с таким провожатым ему вряд ли стоит опасаться местных дворовых шавок. Если они вообще есть в этой деревне.

Прошествовав по давно нечищенной и, судя по отсутствию следов, столь же давно не хоженной дорожке к крыльцу Игорь постучал в дверь. Обождав немного, но так и не услышав ни звука, он вошёл в дом. Берк остался на улице.

Лунный свет еле пробивался сквозь затянутые инеем стёкла веранды, и Игорь с трудом, на ощупь, нашёл ручку следующей двери. Открыв её, он слегка зажмурился от яркого света лампы, отчего, входя в комнату, недостаточно пригнулся и задел макушкой верхний обрамление дверного проёма. Чертыхнувшись и выпрямившись во весь рост, он обозрел помещение. Справа печь, прямо – стол. На столе – чайник из нержавейки на металлической подставке, большой заварник в краснопестковую ромашку с длинным носиком, плетёная из соломы ваза с печеньем и две кружки на блюдцах. За столом – гладко выбритый мужчина лет пятидесяти, судя по сверкающей блеском лампы проплешине на голове, в пиджаке, белой рубашке и при галстуке.

– Садись, – глядя почему-то на чайник, сказал мужчина.

Игорь замялся.

– Извините, но я, наверное, пойду.

Мужчина обратил-таки на него свой взор.

– А чего приходил?

«И действительно?» – подумал Игорь, но понял, что теперь просто так развернуться и уйти будет глупо и невежливо.

– Думал, может у вас техника какая-нибудь есть, а то у меня машина застряла.

Мужчина понимающе кивнул и снова сказал:

– Садись.

Игорь присел на краешек лавки.

– Удачно ты зашёл, – сказал мужчина. – Чайник только вскипел. Бери чашку.

Игорь взялся за блюдце и вместе с ним прямо по столу подтащил к себе прибор.

– Николай, – сказал мужчина, вставая и беря в руки чайник. Игорь, стараясь уже ничему не удивляться, отметил, что вместо брюк на хозяине дома одеты серые кальсоны. – Васильевич.

Отвлекшись на нижнюю часть туалета мужчины, Игорь не сразу понял, что тот только что представился. Спихотившись, он привстал со скамейки.

Представившись в ответ, он дёрнул было правой рукой, но вовремя сообразил, что руки Николая Васильевича заняты чайником.

Налив в чашки кипяток, хозяин дома сел, взял печеньку, откусил кусочек и сказал:

– А ты знаешь, человек, в чём заключается сущность бытия?

Игорь, взявшийся уже за ручку чашки, вдруг зло в сердцах ответил:

– Знаю! Для меня – это выбраться отсюда побыстрее к чёртовой матери!

Николай Васильевич покачал головой.

– А вот к ней спешить как раз и не советую. Да отсюда и спешить-то не надо.

Игоря словно окатили холодной водой, и он как-то сразу сник.

– Я тут книжку задумал новую написать, – после небольшой паузы сказал Николай Васильевич, помешивая ложечкой сахар. – Ну как книжку – так, несколько историй. Таких, чтобы как у Джека Лондона. Читал такого?

Игорь кивнул.

– Вот, – продолжил Николай Васильевич, – Так, чтобы было всё – и сильная личность, и любовь, и романтика, и преодоление. Но только антураж и колорит чтоб местный. А не выходит то, что хотелось.

Он сокрушённо покачал головой, отхлебывая чай из чашки.

– Ничего я так и не написал. И не напишу. Знаешь почему?

– Нет, – коротко ответил Игорь.

– Просто понял я разницу между вами и европейцами. Они любят жизнь, а вы любите Родину. Или ненавидите – но это ведь антипод любви. А чаще – то любите, то – ненавидите. От любви-то до ненависти – один шаг. А самое интересное знаешь что? Что Родине – этим лесам, полям, горам и рекам, а также вам самим, эти просторы населяющим – ей всё равно, как вы к ней относитесь. Вы просто у неё есть. А она есть у вас. Так и живёте вместе.

Николай Васильевич в очередной раз отхлебнул чаю.

Игорь же с удивлением смотрел на него. Вот так вот, в какой-то деревне где-то на отшибе довелось ему натолкнуться на доморощенного философа в кальсонах и галстук.

– А вы что-то вообще написали? – поинтересовался он. – Было бы интересно почитать.

– А зачем это тебе? Мало с приятелями рассуждаешь за бутылкой? Небось, не только о бабах речь ведёте? Наверняка и о политике, и жизни своё суждение имеешь?

– Ну так почему бы и нет? – резонно заметил Игорь.

– Да уж, – Николай Васильевич снова приложился к кружке. – А откуда тебе иметь суждение? Из чего-то кем-то написанного? А что у вас там сейчас пишут? Всё подряд? Свобода?

– Ну да, – как-то неуверенно ответил Игорь. Вопросы, заданные хоть и без нажима, спокойно и буднично, почему-то смутили его.

– А от чего свобода? – продолжил Николай Васильевич. – От самих себя? Свобода захлестнула вас во всё. Внезапно и безобразно. Безобразно! Самовыражение человечьё ужасно, когда нет понимания, или контроля извне. Вот так и ты, и все вы в основной своей массе, и это не в упрёк вам, просто жизнь человеческая такова, быт ваш таков, что неприятельны вы в восприятии своём. Вот и верите писанному, да печатанному. Вот и захлебываетесь вы в хлынувшем на вас потоке. И вместо того, чтобы возвышаться душою, опускаетесь вы всё ниже. И вроде не от лени природной это происходит, как некоторые пытаются высоколобо, – он кивнул куда-то вверх, – утверждать, а от замордованности бытом вашим. И потому принимаете вы только то, что проще для вашего восприятия.

Игорь слушал монотонную речь, чувствуя, как туман заполняет голову. Чтобы хоть как-то собраться, он стал разглядывать комнату. Над серыми в бесцветных пятнах занавесками, стыдливо закрывающими окно, он вдруг с удивлением увидел ровную полоску зелёного мха, тянущуюся до самого угла комнаты и упирающуюся в большую паутину. Он перевёл взгляд на хозяина дома, и ему вдруг почудилось, что не остатками волос покрыта голова Николая Васильевича, а таким же зелёным мхом, а между пальцами, держащими чашку, блестят тонкие паучьи нити.

Игорь тряхнул головой и отхлебнул чаю. И тут же сплюнул обратно. Бурда, вместо чая вдруг оказавшаяся в чашке, имела тухлый вкус застоявшегося болота. Поставив на стол чашку, он подумал: «Переутомился. Скоро сутки, как не сплю».

А Николай Васильевич всё чаще отхлёбывал чай и впадал в прострацию, как будто не чай пил, а водку. «Может у него под столом самогон?» – ненавязчиво пронеслось в голове у Игоря,

но он тут же сам отверг это предположение, ибо руки хозяина дома ни на секунду не покидали поверхности стола, за исключением тех моментов, когда он подносил чашку чая ко рту.

– Пойду я, – вдруг сказал Игорь, как то сразу устав от этого пустого разговора.

– Иди, – просто сказал Николай Васильевич. – Дверь только хорошо прикрой, чтобы не выстыло.

Игорь вышел на улицу, с удовольствием ощущая, как зимний воздух выветривает голову. Постояв немного и подышав глубоко, он вышел за калитку и обернулся. Свет в окошке погас. «Сморил Николая Васильевича чаёк», – подумалось ему как-то невпопад.

Берка на улице не было, и Игорь подумал, что возможно Григорий уже вернулся и, пёс просто последовал за ним.

Заходить в клуб не хотелось. От одной мысли о зале с ёлкой всколыхнулось волнение, вызванное рыжеволосой, но предположив, что если Берк там, то новая встреча с ней ему вряд ли грозит, он зашагал к клубу.

Понимая, что искать Григория можно только в одном месте, Игорь сразу прошёл за ширму. Картина практически не изменилась. Только вместо четырёх мужиков за столом сидели трое, и двое из них были персонажами новыми. Григория здесь не было. Немного поразмыслив, он сел на свободный табурет. Один из новых, толстый мужик в красной куртке, по отвисшим щекам которого стекали крупные капли пота, но который при этом почему-то не снимал синюю вязаную шапку, молча пододвинул к нему стакан. Так же молча, Игорь отодвинул его от себя. Толстяк только пожал плечами и разлил на троих.

– Будем, – сказал он, и все трое хором показали доньшки стаканов потолку. Выдохнули, крикнули, поставили стаканы на стол и взяли по дольке лимона.

– Почему? – вдруг задал вопрос мужичок с косившим глазом. Игорь странным образом понял не только то, что вопрос обращен к нему, но и суть этого вопроса.

– Не могу. За рулём. Да и не хочу.

– А вот это зря, – заметил третий, о котором можно было сказать только, что у него выдающихся размеров нос и грустные, как у дворняжки глаза. – Помогает, знаешь ли.

Теперь пожал плечами Игорь.

– Да как-то всё равно мне.

– А вот так не бывает, – покачал головой носатый. – Иначе не сидел бы ты здесь.

Тем временем толстяк налил еще по одной. Они выпили.

В разговор снова вступил тот, что косил на левый глаз.

– Почему? – видимо это был его любимый вопрос. – Ну ладно, пить не хочет, а почему бы с мужиками не посидеть? Хотя это, конечно, и подозрительно.

– Да я не о том, – поморщился носатый. – Здесь, это вообще здесь, – он вполукруг повёл головой.

– Да чего вы к нему пристали, – сказал толстяк, подняв стакан. Оказывается он уже успел налить по новой. – Давайте.

Выпили снова.

Пьянка шла полным ходом. Когда опустевшая бутылка скрывалась под столом, из-под него тут же появлялась новая. Полная. Между опрокидыванием стаканов обязательно звучало несколько ничего не значащих фраз. Иногда и его о чём-то спрашивали, и он отвечал. Иногда о его существовании просто забывали. Но стаканы наполнялись и пустели. Бутылки меняли друг друга на столе. Монотонно и завораживающе.

Медленно тянулось и навсегда пропадало время.

Игоря даже почему-то не удивляло, что количество выпитого не валит мужиков наземь. Наверное, так и должно быть. Наверное, так правильно. Глядя, как троица в очередной раз подняла стаканы, он вдруг понял, что тоже хочет выпить. Не просто хочет, а жаждет. Горячо желает влиться в этот размеренный беззаботный процесс.

– Так что, налить? – спросил толстый, держа в руке бутылку. Игорь лихорадочно сглотнул.

Но тут заскрипела открываемая дверь, и в клуб вошёл Григорий, вслед за которым протиснулся Берк.

Уверенным шагом знающего человека, Григорий пересёк фойе и подошёл к столу.

– Ну что, черти пьяные, придётся отвлечься. Люсику ещё помощники нужны. Не справляются они. Опять гонца прислал.

Мужики скорчили недовольные рожи.

– Ну вот так всегда! Только присядешь, только нальёшь, – больше всех возмутился толстяк.

Григорий ухмыльнулся.

– Вот ты и пойдёшь. И ещё ты, – он ткнул пальцем в косого. – Чем быстрее управитесь, тем скорее вернётесь. А эта хрень, – он показал на бутылку водки, – без вас не закончится.

Кряхтя и недовольно бубня себе под нос, толстяк поднялся с табуретки. Хлопнул косого по спине и проворчал:

– Чего расселся? Не слышал что ли?

Уже возле ширмы оба, не сговариваясь, дружно оглянулись и, тоскливо посмотрев на стол, со вздохом направились к выходу из клуба.

– Ну а тебя почто по всей округе носит? – обратился к Игорю Григорий, сев на освободившийся табурет. – Говорю ведь – жди здесь, а его опять и след простыл.

Тот промолчал, так как ответить было нечего.

Григорий тем временем взял бутылку, налил себе полный стакан, выпил не торопясь, ни разу не покривившись, коротко посмотрел на лимон, но брать не стал.

– И чего тебя сюда занесло? Случай вроде не запущенный. Хотя, может тебе это и надо, – сказал Игорю, ставя пустой стакан на стол. И после небольшой паузы добавил:

– Ладно. Пойдём, пока ты опять никуда не пропал.

Игорь уже и не верил, что это произойдёт, но на этот раз они вместе с Григорием дошли до конца деревни. Смущало только, что никакой техники Григорий не нашёл, а вдвоём им машину не вытащить. Однако слишком уверенно Григорий шагал вперёд, чтобы у него могли возникнуть хоть какие-нибудь сомнения.

Вот они дошли до того места, где след от колёс внедорожника упирался в снежную бровку, и где, казалось, давным-давно он стоял в раздумье – стоит ли ему идти дальше. Всё так же над головой висела всё та же луна. И тут он увидел, что сбоку от дороги стоит старая церковь. Сама тёмная, она высилась в темноте полуразрушенной глыбой, упираясь скособоченным куполом без креста в низкие вязкие облака, сыплющие снегом.

Игорь замер. Ему вспомнился почему-то гоголевский Вий, про которого, он, конечно же, никогда не читал, но зато в глубоком детстве, на закате перестройки, видел старый одноимённый советский фильм. Они тогда возвращались после киношного сеанса из сельского клуба – стайка пацанов, а ночи под Воронежем летом еще чернее, чем северные зимние, шугаясь каждого шороха и всю дорогу замирая сердечком от страха. Бесхитростный по их меркам фильм с незнакомыми им, уже вкусившим прелести видюшного голливудского кинопрома, актёрами, зацепил их за самое нутро. Но дело даже не в этом. Именно тогда Игорёк задался неразрешимым для его детского мозга вопросом – откуда в церкви, святом, он не помнил откуда, но всегда знал об этом, месте взялась разнообразная нечисть во главе с панночкой. И вот только сейчас, спустя двадцать лет, до него, при виде этой мрачной, заброшенной, стоящей так вдалеке от жилых изб церкви, до него дошло – а где же ещё нечисти обитать, как не в таком месте?

Рушили церкви по всей России в двадцатые, плавно, хоть и безболезненно для народа, перетекшие в тридцатые. Но случился промежуток в истории страны, когда воинствующий большевизм уступил место здравому прагматизму. И вновь стали открывать заколоченные и

приспособленные под склады и амбары храмы. Перестали гнобить священников. Потянулись к ним прихожане. Но не долгой была передышка. После смерти диктатора вновь застучали молотки забивающие гвозди в доски, крест накрест закрывающие окна церквей. А батюшек хоть и перестали ставить по революционному – к стенке, но зато совратили многих, подмяв под органы безопасности, да и вообще опаскудили этим на многие годы в сознании масс саму идею служительства. Вот и стоят до сих пор такие заброшенные церкви. Вот и здесь стоит.

Внезапно Игорь почувствовал, что он один. Совсем один. И тотчас же накатила на него волна неосознанного и неопознанного ещё стыда. Перед церковью этой, может за недавние мысли о нечисти, а может от того, что не было у него таких мыслей раньше. И перед собой, перед обыденным для себя восприятием только что прожитого. Как будто это и есть – жизнь. Его жизнь?

– Какой бред, – вслух с тоскливой злостью подумал он, отвернувшись.

Сыпал снег, и луна скрылась в тучах, но путь, контуры дороги, были ему видны.

– Увидел? – спросил Григорий.

Игорь молча посмотрел на него.

– Увидел, – кивнул сам себе Григорий. – Ну что ж. Отпускает он тебя. Давай поторопись.

Игорь открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Григорий только махнул рукой.

– Поторопись, я говорю. Сейчас к тебе помощь подоспеет. Да и дома тебя заждались.

Сказав это, он развернулся и быстрым шагом направился обратно в деревню.

Игорь недолго смотрел ему вслед – то, что Григорий слов на ветер не бросает, он уже понял, потому и задерживаться не стал.

Уже подходя к развилке, он услышал далёкий ещё звук мотора. Решив не мёрзнуть – звук в такую погоду разносится далеко, Игорь отправился к своему автомобилю. Сел за руль, завёл. Через некоторое время тёплый воздух от печки стал сушить глаза. Обычное дело с холода. Игорь прикрыл их и сразу понял, что бесконечно устал. Такой длинной ночи у него давно уже не было. Если только в молодости.

Спохватившись, как бы не задремать, он моргнул и в этот момент увидел на деревьях отсвет фар. Встречная машина была уже близко. Включив аварийку, Игорь вышел на дорогу. Мышцы затекли, и он произвольно выгнул спину и пошевелил плечами. И почему-то болела голова. Вроде не ударился.

Уже скоро кроме отсвета стали видны и сами фары, а к звуку мотора добавился характерный для едущих по неровной дороге грузовиков лягз. Это был бортовой ЗИЛ. Он остановился возле Игоря, и водитель через приоткрывшуюся дверь весело спросил:

– Давно тут кукуешь?

– По-моему – вечность, – устало сказал Игорь.

– Даже так? – усмехнулся водитель. – Трос то есть?

– Есть.

– Ну так доставай, а то совсем замёрзнешь. И так ты, паря, какой-то замороженный, – последние слова водитель говорил уже в спину Игорю, отправившемуся открывать багажник.

Когда трос прикрепили к машинам, водитель спросил:

– Слушай, а мимо тебя недавно, минут двадцать, может с полчаса назад, джип случайно не пролетал?

Игорь вспомнил, как его обогнал внедорожник, из-за которого он и оказался в нынешнем положении.

– Пролетал. Только..., – он не успел договорить.

– Не повезло ребятам. Там, с километр отсюда, спуск с поворотом. Фуру внизу занесло и поперёк развернуло. Так эти парни заметить не успели и на полном ходу – бац! Как банку из-под пива смяло. Водилу размазало от руля до багажника, а пассажира через лобовуху выкинуло и под станину прицепа зажевало.

Рассказывая это, водитель ЗИЛа был как-то уж чересчур весел.

– Ну всё, садись и газуй потихоньку.

Игорь сел в машину и потянулся к мобильнику. Включил. Посмотрел на таймер. «Пол-часа. Как же так? Всего полчаса?» – медленно думал он. Машину дёрнуло, и она, со скрипом сминаемого снега, вывалилась на дорогу.

Леший

– Вот такая история произошла со мной ровно год назад, – так закончил свою историю Игорь.

– И что здесь правда? – спросил Виктор.

Игорь в ответ только развёл руками.

Разговор происходил на кухне деревенского дома, где по случаю затяжных новогодних праздников собралась тёплая компания родственников и друзей. Все приезжие. Из города.

Застолье из зала, после того, как пожилые хозяева дома ушли спать, перекочевало на кухню, где женщины принялись утрясывать по закромам недоеденное и мыть посуду, а мужчины допивать спиртное. За этим непритязательным занятием пошли негромкие разговоры о всяких чудесах, с которыми кому-либо из компании приходилось сталкиваться в жизни. Что-то из рассказов всеми воспринималось сразу, что-то, как рассказ Игоря, с некоторым сомнением. Только Виктор – племянник хозяев – ко всем без исключения услышанным историям относился исключительно скептически, о чём недвусмысленно давал понять и собеседникам.

Вот и сейчас он усмехнулся на жест Игоря и категорично заявил:

– Чушь это. Тебе бы рассказы писать. Фантастические. Цены бы не было.

– Ну почему чушь-то? – решил вступить за историю товарища Андрей.

– Потому что чушь и всё, – не унимался Виктор.

– Мало ли что непонятного бывает. У Игоря вон так вышло. Может его леший водил?

– Какой к чёрту леший?! – возмутился Виктор. – Вы в каком веке живёте?

– А причём здесь век? – недоумённо спросил в ответ Андрей. – Думаешь всё так просто и понятно? У меня вот случай был попроще. Собрались мы как-то бандой за клюквой. От дороги до болота – метров пятьсот, если не меньше. Когда уже набрали полные вёдра и собрались до дома, я как-то от всех оторвался. Думаю – чего по болоту до всех шлёпать – в лесу и пересечемся. Тем более, что к дороге я ближе всех был. Ну взял ориентир – безошибочный – высоковольтка шла в стороне от места где мы машины бросили, и пошёл.

Налили. Выпили.

– С болота выбрался и топаю не спеша, жду, когда меня остальные настигнут. Вот уже и голоса вроде услышал, а всё не вижу никого. Я на голоса чуток подвернул. Потом ещё. Потом – ни голосов, ничего. Я вроде скорректировал свои повороты – и к дороге. Так я думал. Через некоторое время опять далёкие голоса и гудки. Вот те раз, думаю, они уже вышли, а всё никак не дойду. Прибавил шагу. Да только чувствую – не шли мы здесь к болоту. Однозначно. И голоса с гудками опять пропали. Тут я, честно говоря, струхнул не по детски. В какой-то момент даже чуть не метаться начал. То в одну сторону, то в другую. Ну всё, кранты. Приплыл. Сел на пень, достал сигарету. Сижу, думу думаю. Пока курил да размышлял, осенило меня. Уж не знаю как. Я ж между высоковольткой и болотом! Короче, ещё раз прикинул, что и как, да рванул. Через пару минут вывалился на просеку. Ну, там уже без проблем. Вот только потом по столбам посчитал – три километра оттопал от дороги.

– Ну и что? – спросил Виктор с насмешкой.

– Как что. Как объяснить, что меня так мотало в лесу?

– Да как угодно. Эхо от криков не так отразилось, к примеру, вот и попёрся ты не туда.

– Ну может и так, – пожал плечами Андрей. – Вот только...

– И у меня так же было, – вмешался в их разговор Серёга, явно желая не столько озвучить свою историю, сколько погасить назревающий спор.

– Я ж в поле когда работал, рубили мы в одном месте разметку под площадку для топо-съёмки. Вроде как прямоугольник пятьсот на триста метров с поперечными просеками через каждые двадцать пять. Неширокие просеки – так, чтобы видимость для прибора была. Метровка называется. В общем, рубил я как раз эти поперечники. В одном месте уткнулся в завал. Ну делов-то – обошёл и всё. Фигушки. Обошёл и потерялся. Естественно. Полчаса вокруг этого бурелома бегал. Думаю, ну нереально ведь заблудиться – я ж внутри прямоугольника. Только потом дошло, что в прямоугольнике том пятнадцать гектар получалось. Мог несколько дней запросто бродить. А свои столько же искать. Кинул я в сердцах топор, сел на землю и пригнулся. Тоже, кстати, не знаю, как меня осенило, но в итоге вышел я сразу. Только не на свой поперечник, а на периметр.

– Ну и что? – снова спросил Виктор.

– Говорят, это леший так людей водит, – пожал плечами Сергей.

– Ну вот что за ахинею вы тут все несёте? – не удержался Виктор. – Ну какой леший? Может вы ещё и кикимор видели? Вы что курите вообще? – с каждым своим словом Виктор заводился ещё больше.

Дело пахло керосином, учитывая количество злоупотреблённого. Не желая доводить до скандала, мудрые женщины схватили Виктора под руки и выволокли в летнюю кухню. Однако тот, не собираясь сдаваться, рывком распахнул дверь.

– Идиоты суеверные! Пещерные дураки!

В ответ ему сунули в лицо его пуховик и снова вытолкали из кухни.

– Проветрись, Вить, от греха, – услышал он, перед тем как дверь за ним захлопнулась.

Виктор дёрнулся было обратно, но потом махнул рукой.

– А и проветрюсь, – буркнул он. – Балбесы.

Нахлобучив на голову вытащенную из рукава шапку, схватив мимоходом из ящика, стоящего на полу, бутылку пива, вышел на улицу. Пока он шёл до калитки, не переставал бурчать:

– Идиоты. Сперва несут всякую хрень, потом обижаются.

Оказавшись на улице, он открыл пиво, сделал пару глотков, повернулся к дому и крикнул:

– Ну и чёрт с вами!

После чего неуверенной походкой зашагал по деревне, отхлёбывая пиво прямо из горлышка. Мимо его взгляда, покачиваясь, проплывали светящиеся окна домов и жердины загорода дворов. Под ногами морозно скрипел снежок, и это успокаивало и расслабляло.

Как он очутился в этом месте, Виктор не понимал. Вокруг простиралось ровное полотно укрытой льдом и снегом реки. Справа от него чернел крутой склон берега, покрытого лесом, за которым, на самом верху и находилась деревня. Вообще-то Виктор хорошо знал эти места, ибо был заядлым рыболовом и за многие годы успел изучить берега реки. Его смущал провал в памяти, который мешал ему понять – что же его сюда привело. Правая кисть замёрзла. Он поднял её и увидел, что сжимает в руке пустую бутылку. «Понятно, – усмехнулся он про себя. – Пиво без водки, как вёсла без лодки». Вопрос о причине провала в памяти решился просто. Оставалось только сориентироваться и вернуться в тепло дома.

Виктор знал, что через лес по склону протоптано несколько тропинок, ведущих в деревню. Зимой, правда, местные пользовались не всеми, но три-четыре должны были быть натоптаны в любом случае. Виктор огляделся, прикинул. След от снегохода, на котором он стоял, должен вывести его в деревню. Разглядев свои следы, Виктор решил не мудрить и по ним же и возвращаться.

Мороз бодрил, поэтому Витька шёл быстро. Благо снег отражал свет луны, и видно было хорошо. Пройдя несколько десятков метров, он вдруг заметил тропу, которая пересекала след от снегохода. Коротко рассудив, что по ней он явно сможет срезать часть пути, Витька реши-

тельно свернул. Тропа и правда шла к берегу, где сразу ныряла в лес. Теперь ёлки и сосны загораживали луну, но с натоптанного следа трудно было уйти. Сугробы вокруг.

Внезапно тропинка свернула вдоль склона и тут же кончилась мусорной ямой. Витька ошарашено огляделся. Как ни странно, но других тропинок не было видно. Он вернулся немного назад – до поворота. Наверх не шло ни следа. «Что за ерунда, – подумал он. – Кому надо топтать с реки тропу до помойной ямы? Наверное, где-то я пропустил развилку». И теперь уже медленнее, внимательно глядя под ноги и по сторонам, двинулся обратно. В какой-то момент тропа сделала поворот и снова пошла вверх. «Опять проглядел развилку» – удивлённо подумал Витька, но несколько не расстроился – ведь направление-то правильное, к дому. А это радовало, ибо морозец поджимал, и Витька уже давно озяб, а теперь начал натурально мёрзнуть. Однако его радость была недолгой. Потому что тропа вновь упёрлась в ту же самую яму. Витькиному недоумению не было предела.

– Что за чёрт! – он даже выругался вслух и снова огляделся в надежде.

Но других тропинок вокруг не было.

– Так значит, – непонятно кому и зачем сказал Витька зло и решительно. – Ладно.

И снова двинулся вниз. Теперь уже быстрым шагом, потому что возникла необходимость согреться хотя бы движением.

– Ничего, – бурчал он себе под нос. – Холодно, зато потом как согреюсь, крепче спать буду.

Внезапно он услышал легкий шорох и краем глаза уловил слева на уровне головы мелькнувшую тень. Резко остановившись, повернулся. С ветки на него, не мигая и не шевелясь, смотрела большая сова.

– У, дура! – в сердцах сплюнул Витька, чувствуя, как медленно рассасываются высыпавшие на кожу мурашки. – Напугала.

Погрозив птице кулаком, он хотел было двинуться дальше, но запнулся обо что-то и кубарем покатился вниз. Благо снег был глубокий, и далеко улететь ему не удалось. Вынырнув из сугроба, Витька, сразу понял, что теперь тропу он таки потерял. Потому что совершенно не помнил в какую сторону его понесла нелёгкая во время падения.

Витька смачно выругался. Потом помолчал немного, отряхивая с головы снег и со словами:

– Да и чёрт с ним! – отважно ринулся напролом по сугробам вниз. Его расчет был прост – внизу река и уж до неё он точно доберётся и без всякой тропы.

И правда, всего через несколько минут, весь запыхавшийся, он выбрался на плотный снег реки. «Зато согрелся», – подумалось ему. След от снегохода он нашёл быстро. Но своих следов почему-то не увидел. Это было странно, но не загадочнее тех плутаний, которые он недавно совершал. Вспомнив, что прошлый раз он шёл направо, в этот раз он решил пойти налево. Почему, он и сам не понимал – видимо, для разнообразия.

Очень скоро Витька снова стал мёрзнуть. Причём в этот раз холод вцепился в него с удвоенным рвением – давала знать о себе намокшая от пота и набившегося под пуховик снега одежда. Через пять минут Витькины зубы выдавали зачётную чечётку. След от снегохода продолжал бежать вдоль безжизненного молчаливого берега. Ни одна тропа не пересекала его. И тут Витька осознал, что может запросто замерзнуть до того, как выберется к деревне. Холодок страха липко нахлобачился на холодную кожу.

– Да что же это такое! Ну уж нетушки! – попытался взбодриться Витька, и почти тут же увидел тропу. Как и первая, она тоже шла прямо к берегу и дальше уходила в лес. После недоверчивого осмотра убедившись, что натоптана она основательно, он двинулся по ней.

Пройдя всего несколько метров по лесу, Витька почти упёрся в стену сруба, который непросто было заметить среди деревьев. Домишко был невысокий и небольшой. «Баня!» – осенило Витьку. Он дошёл до угла и заглянул за него. Окошко предбанника безжизненно чернело.

Заходить или нет, Витька сомневался недолго. В предбаннике, аккуратно сложенные, лежали берёзовые дрова, а рядом добрые куски бересты для растопки. Витька обрадовано потер руки. В мыслях он уже кидал в топку каменки полешки и поджигал бересту. Витька хлопнул по карманам. Потом внимательно их ощупал. Улыбка медленно сползла с его лица. Ни спичек, ни зажигалки. Он суетливо стал шарить по полкам в надежде, что хозяйева бани оставили где-нибудь заветный коробок. После третьего круга к нему пришло тоскливое осознание тщетности этих попыток. Разочарованный донельзя, он вышел из бани. Тропинка, что было им уже ожидаемо, заканчивалась возле двери бани. Или начиналась. Без разницы. Почти обречённо Витька потопал по ней вниз к реке.

Там он, немного поразмыслив, снова пошел налево. Минут через десять торопливой, переходящей в короткие перебежки, чтобы согреться, ходьбы, Витька вдруг понял, что река начинает делать поворот. И поворот этот был ему знаком. Он растеряно остановился. Получалось, что деревню он уже давно проскочил.

Подняв глаза к небу, Витька жалобно взмолился:

– Господи! Да что же это? Ведь замёрзну же, как дурак, заблудившийся в трёх соснах! Небо безучастно моргало всеми звёздами и молчало.

Тоскливо выдохнув, Витька в сотый раз огляделся. «Ну ведь бред же, ну как же так, ну ведь невозможно это, нереально», – мысленно захныкал Витька.

А мороз был вполне реальным. Он давно уже не просто поселился под одеждой, и проник в каждую складочку тела. Он нахально лез в самое нутро, пробирая до печёнок. И стояние на месте было ему только в помощь. Витька прекрасно понимал это, поэтому развернулся и быстро-быстро двинулся обратно.

И снова поплыла сбоку чернота леса. Только теперь с левого.

Состояние у Витьки было – хоть плачь. Коленки замерзли уже так, что, казалось, скрипят при ходьбе вместе со снегом под ногами.

– Двигаться, двигаться, всё равно ведь дойду, – выдыхал Витька клубами морозного пара. И двигался.

Когда он увидел впереди себя фигуру собаки, то даже не поверил сразу. Приблизившись, он понял, что эта фигура ему явно знакома. Потому что Рекс выглядел странно. Даже забавно. Как будто немецкой овчарке укоротили шею, а тело посадили на короткие лапы таксы. А ещё Рекс любил рыбалку. Рыбу он, как и всякий уважающий себя пес, не ел. Но всегда, деликатно держась на некотором расстоянии, сопровождал от деревни до речки рыбаков. Что местных, что приезжих. Особо летом. Он любил бегать вдоль кромки воды, а в одном месте, где от самого берега начиналась глубокая яма, отчего течения не чувствовалось, и поверхность всегда была ровной и совсем черной, Рекс обязательно останавливался и, почти коснувшись носом воды, мог подолгу стоять, словно пытаясь что-то разглядеть в мутных глубинах.

– Рэкс! Неужели? Домой, Рэкс, домой! – крикнул Витька.

Тот гавкнул в ответ, вроде как понял, и побежал.

Пёс бежал уверенно, иногда оглаживаясь назад – явно проверяя, не отстал ли от него человек. Витька старался вовсю. Наконец пёс свернул к берегу. Следуя за ним, Витька с разбегу чуть не влетел в большую квадратную прорубь. Дыра во льду была явно свежая, как будто вырубленная вот-вот. Витька аккуратно обошёл её и с облегчением увидел натоптанную тропу, идущую от проруби к берегу и далее взбирающуюся вверх, Рекс стоял на этой тропе у самой границы деревьев и ждал Витьку.

Уже поднимаясь в гору, Витька медленно осознал, что уже шёл здесь недавно. А когда увидел знакомую стенку сруба, сомнений у него не осталось. Вот только... Только проруби в прошлый раз не было. Зато теперь окошко предбанника светилась, и это казалось важнее всего на свете.

Витька рывком распахнул дверь и влетел в парную. Успев только сказать:

– Замерз как скот... – замер на полуслове, оглушенный дружным визгом. Как-то не предполагалось ему в тот момент, что в банях парятся не только мужики.

Несколько девиц, которые и подняли шум, прикрывшись кто чем успел, ошалело пялились на него, но Витька их не замечал. Его взгляд как с ходу уперся в дородную фигуру, кои любили изображать живописцы эпохи возрождения, так и застыл. Фигура стояла прямо напротив него, ничуть не смущаясь и уперев руки в крутые бока. Находящийся в ступоре Витька тупо смотрел на женщину и пропустил момент, когда ее левая рука оторвалась от бедра.

– Ты чего здесь забыл? – услышал он, а в следующую секунду ему прилетело прямо в лоб. Эмалированным половником, которым в нормальной обстановке начерпывают горячую воду в тазик. Но Витька этого не понял, потому что в глазах его потемнело, и он банально вырубился.

Сквозь темноту до Витьки доносились негромкие голоса. Рядом кто-то разговаривал. Витька не особо старался вслушиваться, но смысл до него доходил.

– Отпусти его, – голос мужской, басовитый, но какой-то странный, будто дерево скрипит.

– А что я девчонкам скажу? Тем более, он сам заявился, – теперь приятный женский.

– Ну объясни им. Сама же знаешь – и так людей вокруг мало. Деревенских почти не осталось. Раньше то – раздолье. В каждом доме мал мала. А нынче? В половине домов давно дух человеческий выветрился. Бурьян вокруг. А в остальных? Старики. Умирает деревня. А если людей не будет – нам как жить? Переведутся люди – и нас не станет. Городские вон хоть наездами стали появляться. И то радость.

– Да знаю я, старый. Знаю. Уж который год девчонок на коротком поводке держу, поэтому если он ещё раз сюда в баню придёт – они меня не поймут, не по обычаю будет его отпускать. Они ведь последние годы только рыбаков на берегу видят. Так что в сторону его уводи.

Скрипучий бас что-то ответил, но Витька не разобрал, потому что снова провалился в забытьё.

Очнувшись окончательно, Витька понял, что опять стоит на реке. Голова трещала как кочан капусты на морозе. Перед его неспешным мысленным взором возникали картинки – женщина, у которой ниже пояса кожа странно чешуйчато поблёскивала, длинные, до пола, чёрные волосы девиц и выглядывающие из-под тазиков, плоско лежащие на полу рыбы хвосты. Виноватые глаза Рекса, и другие глаза – голубые, холодные, безжалостные и... манящие. И слова. Непонятные смыслом. Но осязаемо ему угрожающие местом, где он только что был.

Витька со стоном помотал головой.

И снова холод. И снова, теперь уже совсем вялый из-за окоченевших членов, бег вдоль кромки берега. У Витьки началась натуральная истерика. Еще недавно тоскливо хныкавший, он стал хихикать. «Ведь замёрзну же, как пить дать – замёрзну, – отчего-то весело думал он. – А так мне и надо. Потому что – дурак. Потому что правильно это будет. Сам ведь попёрся. Никто ведь не заставлял людям вечер портить. Вот и получи. Не по морде, так в морду. Так тебе и надо. Всё правильно».

Снова увидев тропинку, Витька свернул скорее по инерции, уже не веря, что она выведет его куда надо. И когда он понял, что она петляет, чуть не обрадовался, потому что это чётко вписывалось в уже нарисованную его сознанием картину – он непременно замёрзнет и его холодный труп обнаружат только утром.

Не в силах больше идти и бороться, Витька сел на поваленное дерево, вжавшись внутри пуховика сам в себя. «Как же холодно, чёрт, как же холодно», – только и крутилось в голове. Но тут, а может и через бесконечность, он почувствовал, как лицо обдала волна жара. Он разлепил веки и вяло удивился: в лицо ему светило полуденное солнце, а вокруг него парилась на солнце сочная трава, а чуть поодаль лениво шелестели зелёной листвой берёзы и осины. «Совсем замерзаю», – как-то совсем равнодушно подумалось Витьку. И словно в ответ на эту мысль из-за стволов деревьев на полянку вышел бородатый всклокоченный старичок. Остановившись в

пяти шагах от Витьки, он, кряхтя, достал из-за пазухи складную тряпичную табуретку, какими обычно пользуются рыбаки, и уселся на неё.

– И чего вы, городские, такие суетливые? – спросил он. Не дождавшись ответа, сорвал былинку и поковырялся в зубах.

– Вот нет бы раньше присесть. Понимаешь, положено у нас так. Обычай такой. Обязательно присесть надо. А вы всё на ходу, да на ходу.

Внимательно посмотрев на Витьку, он вдруг встал. И оказалось, что он ну совсем небольшого роста – метр. Даже с кепкой, если бы она у него была.

– Ладно уж, – пробормотал себе в бороду старичок и стал приближаться к Витьке. Его шаги отдавались в Витькиных ушах почему-то подозрительно знакомым скрипом, а сам старичок стал расти, заполняя пространство вокруг себя, которое вдруг стало быстро и неотвратно чернеть.

– Ведь присел же. Пусть сперва подумал, поразмышлял, да уж потом присел. Ладно...

Исполинская фигура уже нависала над Витькой, когда тот от внезапно накатившего страха зажмурился.

Его резко толкнули в плечо.

– Да вот же он! Совсем окоченел! А ну, хватай его!

Витька едва ощутил, что его вроде как подхватили под руки и оторвали от земли.

– Вот же ёперный театр! В баню его. Быстрее!

– Не надо в баню, – Витьке показалось, что он испуганно дернулся и закричал, а на самом деле еле пролопотал одними губами.

Однако он был услышан.

– Надо, надо!

Витьку затащили в парилку, стали снимать с непослушного негнущегося тела одежду. Кто-то сердобольный подсуетился и сбегал в дом. Чьи-то заботливые руки набулькали в стакан водки и влили в Витькин рот добрую половину, остальное стекло по его подбородку на уже освобожденную от одежды грудь.

Спустя всего четверть часа Витька, сидя на полке, разомлев от тепла и хмеля, ронял слёзы и, всхлипывая, бормотал одно и то же:

– Вот оно как. Надо же. Вот оно как.

Киллер

Филипп пришел с работы поддатый. Повод был. Праздник. И ведь не один, а целых десять дней отдыха подарил государство. Всем нормальным людям, которые теперь дома сидят, телевизор смотрят. А вот Филипп свой пост бросить не может. Всё-таки котельная одна на весь посёлок.

Ввалившись в дом в облаке морозного пара, скинул на входе сапоги и ватник и протопал в комнату. Завалившись на диван, заорал жене как обычно:

– Жрать давай!

Та вышла из смежной комнаты и привычно пробурчала:

– Стол поставь сперва.

– Это я сейчас, – Филипп сел, собрал равновесие в кулак, оторвался от дивана и, петляя в двух шагах, добрался до стола, что стоял у окна и придвинулся на середину комнаты к дивану только для трапезы. Вцепившись в него двумя руками, он со стоном обиженных досок пола дотаскил стол до парадного места и снова плюхнулся на диван.

– Готово! – крикнул он в кухню.

Жена накрыла стол. Отварная картошечка в котелке, котлеты на сковородке, капуста квашеная в миске – всё своё, всё лучшее.

Филипп стал вкушать разносолы медленно и размеренно, как и положено уставшему добытчику.

И тут он заметил на кухне некое движение. Сквозь расплывчатый туман, узрел он, как медленно откинулась крышка подпола, и вылезла оттуда смутная фигура. Замерев по пояс над полом ненадолго, видимо оглядываясь, этот кто-то вылез окончательно и тенью шмыгнул к выходу. Застыв с вилкой у рта, Филипп напрягся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.